

ЭЛИЗАБЕТ

ТЕЙЛОР

КЛЕОПАТРА ГОЛЛИВУДА

Софья Бенуа
Элизабет Тейлор. Клеопатра Голливуда
Серия «Женщина, покорившая мир»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8709222
Софья Бенуа Элизабет Тейлор. Клеопатра Голливуда: Эксмо; Москва; 2014
ISBN ISBN 978-5-4438-0893-2

Аннотация

Элизабет Тейлор – истинная «королева Голливуда» периода его расцвета, трижды удостоенная премии «Оскар». Не меньше, чем ее актерские работы, привлекали внимание публики обстоятельства личной жизни Тейлор, ведь красавица выходила замуж восемь раз!

Гонорар Тейлор за роль Клеопатры в одноименном фильме 1961 года составил невероятную по тем временам цифру – миллион долларов! С тех пор «глаза Клеопатры» с яркой черной подводкой, как у Тейлор, «носят» модницы всего мира. А сама «Клеопатра Голливуда» вышла замуж за Марка Антония – актера Ричарда Бертон. Затем были другие мужчины, другие связи, а с ними – алкоголь, наркотики и болезни (известно, что у актрисы находили опухоль мозга и рак кожи, но она смогла преодолеть и эти испытания).

Последним настоящим другом актрисы был Майкл Джексон; узнав о трагической гибели певца, Элизабет Тейлор попала в больницу с сильнейшим стрессом. «Со временем начинаешь сожалеть о всех совершенных тобою грехах, и еще о нескольких, которых не совершила», – призналась как-то великая Тейлор, не боявшаяся раскрывать друзьям и недругам все тайны своей бурной жизни.

Содержание

Вместо предисловия. Кинодива по канонам красоты	5
Глава I. Куколка с фиалковыми глазами	7
Детство Элизабет	7
По стопам матери	16
Глава II. Голливудская дебютантка	27
Первые лавры	27
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Софья Бенуа

Элизабет Тейлор. Клеопатра Голливуда

© Бенуа С., 2014

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Я одобряю далеко не все поступки, которые совершила, кем была или являюсь сейчас. Но я такая, какая есть. Бог свидетель, я – это я.
Элизабет Тейлор

Вместо предисловия. Кинодива по канонам красоты

*Чтобы стать легендой, нужно сначала умереть.
Элизабет Тейлор*

Незадолго до финала своей яркой, играющей красками и переливами событий жизни, Лиз Тейлор (прекрасная даже в преклонном возрасте), говорила:

– Вы не дожидаетесь от меня заявления, что я уже не выйду замуж еще раз.

Так получилось, что ее личная жизнь была чередой браков: длинных и коротких, скандальных и пасторальных, порой весьма странных, но неизменно привлекавших внимание мировой общественности. Последняя звезда старого Голливуда Элизабет Тейлор, по словам тех, кто ее знал при жизни, обладала небывалым по силе сексуальным магнетизмом кинодивы. И эта сила с годами не иссякала, а напротив, крепла. 74-летний российский актер Леонид Неведомский, ставший партнером Лиз на съемочной площадке первого советско-американского фильма «Синяя птица» (Тейлор и Неведомский играли супружескую пару), рассказывает:

– Тейлор была уникальным человеком по своему обаянию и красоте. Когда она шла по коридорам «Ленфильма» в сопровождении своей свиты, все сотрудники и актеры тихонько выглядывали из закутков студии, чтобы проследить за ней. Все-таки звезду такого уровня не каждому дано увидеть рядом с собой, на расстоянии вытянутой руки. Мы пытались уловить каждый жест, поворот головы, поймать брошенное вскользь слово... Она была настоящей королевой! Всегда корректная, доброжелательная. И очень хороший профессионал. Общих съемочных дней у нас с ней было всего семь. Снимали практически все сцены с одного дубля. Съемки проходили в Ленинграде и Москве... В душе я конечно же был от нее без ума! Просто невозможно было устоять от ее красоты! Но в реальности кто бы мне позволил вольности с иностранкой?

Какой женой была женщина, которая сорок лет устанавливала американские (да и, пожалуй, мировые) каноны красоты и будоражила миллионы умов своей удивительной жизнью? Кем были люди, с которыми она эту жизнь связала, которым родила детей и с которыми делила свой быт? Будучи уже в возрасте, Тейлор признавалась:

– Родители внушили мне уважение к браку, поэтому я всякий раз выходила замуж. А теперь меня называют блудницей. Я спала только с теми, за кем была замужем. Много ли женщин могут похвастаться тем же?

Каждое замужество, независимо от его продолжительности – это целая новая жизнь. Лиз прожила семь таких жизней, в суммарном финале которых она сама сочинила себе эпиtaфию:

***«Здесь покоится Элизабет Тейлор.
Спасибо за каждое мгновение».***

Глава I. Куколка с фиалковыми глазами

Детство Элизабет

*Мое самое первое воспоминание связано с болью.
Элизабет Тейлор*

Слякотным и теплым днем 27 февраля 1932 года в Хэмпстеде (северо-западном пригороде Лондона, застроенном шикарными особняками богатой аристократии) родилась необычная девочка, о которой позже вспоминали близкие:

*– Когда новорожденная открыла глаза, они заблестели фиолетовым:
как два аметиста в глубине колыбели.*

Господь наделил малышку кукольной внешностью, яркими фиалковыми глазами и густыми ресницами в два ряда (результат редкой мутации). Впрочем, другие источники утверждают, что красота снизошла на девочку несколько позже. А уродливый младенец, неприятно орущий из свертка, который сестры вложили в руки измученной родами матери, вызывал у той чуть ли не отвращение. Припухшие веки превращали глаза новорожденной в узкие щелочки, которые оставались такими еще пару недель (необычных фиолетовых глаз было не разглядеть). Само личико было сморщенным и красным, покрытым черным пушком-лануго: ни дать, не взять – зверек или какой-нибудь горный тролль... Мать растерянно сравнивала новорожденную дурнушку Элизабет с красивым, светленьким, пухлощеким мальчиком, похожим на боттичеллеского Амура (именно так выглядел ее первый ребенок, сын Говард, родившийся на пару лет раньше). Однако ее страхи были напрасными: прошло совсем немного времени, как маленькая Лиз оправилась, превратившись в миленькую куколку с правильными чертами лица, вздернутым носиком и большими, выразительными глазами цвета аметиста, обрамленными пушистыми ресницами в два ряда...

Хэмпстед – северо-западный пригород Лондона

Ее родители, американцы из Канзаса, перебрались в Великобританию, где отец, Френсис Ленн Тейлор, ирландец по крови, руководил художественной галереей своего родного дяди, мультимиллионера Говарда Янга (известного также аналогичной художественной галереей в Нью-Йорке). Мать девочки, Сара Виола Вомбродт, дочь иммигрантов из Германии, играла в театре под псевдонимом Сара Созерн.

Элизабет Роузмонд Тейлор (так назвали малышку, получившую второе имя в честь ирландской бабушки) с раннего детства приобщилась к богемной жизни: с трех лет она брала уроки балета, помогала отцу в его художественной галерее, занималась с матерью актерским мастерством. Одно из первых воспоминаний Лиз – о том, как ее, трехлетнюю, родители вывели в свет: на серебряный юбилей Георга V. Девочка важно прогуливалась с отцом в толпе придворных: тщательно уложенные смольные локоны, шикарное, совсем взрослое парижское платье из матовой органзы, модные туфельки на каблукке... Френсис показывает ей королевских фрейлин, но Лиз не до них, она с восторгом перебивает отца:

– Посмотри, папа, посмотри, какая лошадь у короля!

Актриса Сара Виола с маленькой Элизабет

Перед самым началом Второй мировой войны семья Тейлор решила вернуться в Соединенные Штаты во избежание опасности. В Америке у маленькой Лиз Тейлор началась новая жизнь: ее мать, так и не сумев выбиться из категории провинциальных актрис, в конце концов решила сосредоточиться на звездной карьере дочери. Сара не жалела времени, обучая Элизабет хорошим манерам, сценической речи, игре на фортепиано и натаскивая ее для кинопроб. Отца девочки несколько смущала и тревожила чрезмерная активность жены, однако он не вмешивался, зная, что Сару невозможно остановить или переубедить.

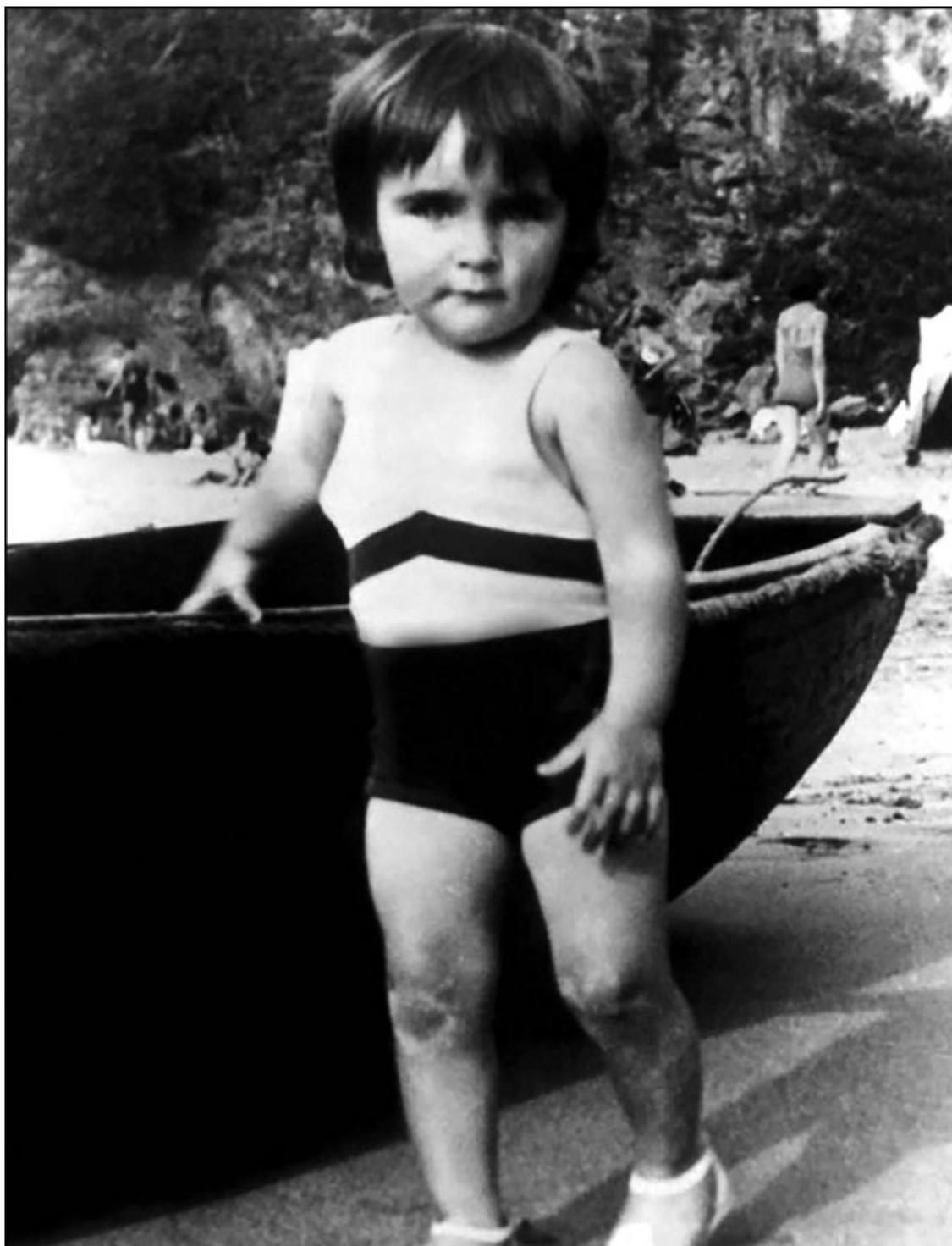
Американская журналистка и биограф знаменитостей Китти Келли, рассказывая о детстве Элизабет Тейлор, пишет:

«Подобно любой другой даме довоенных лет с веером из лебяжьего пуха, Сара Тейлор прекрасно умела прятать свои честолюбивые устремления за нежным, обманчивым фасадом. Эта небольшого роста женщина умела говорить столь вкрадчиво, что ее голос, казалось, источал мед. Своего супруга она называла «папочка», дочь – «мой ангел», сына – «мой милый ягненок», а все остальные были для нее просто «дорогушами». Миссис Тейлор понимала всю важность знакомств и неизменно стремилась к тому, чтобы быть в нужное время в нужном месте. Свое редкостное умение правильно выбрать нужный момент она продемонстрировала, появившись на ведущей киностудии мира именно тогда, когда там безраздельно царствовали дети-кинозвезды...

...Сара, к собственному удовольствию, окунулась в волнующую атмосферу фабрики грез. Уже к рождеству голливудская мишура совершенно вскружила ей голову. Как и многие поколения золотоискателей до нее, Сара воспринимала Южную Калифорнию, как некую золотую жилу, которую следует разрабатывать до самого дна: тогда обретишь богатство. Миссис Тейлор с завидной энергией взялась завязывать полезные знакомства, с любым, кто был достаточно знаменит или богат, чтобы иметь отношение к кинобизнесу или же приобретать кинокартины у ее мужа. Сара повсюду брала с собой свою семилетнюю дочь. И с торжествующим видом наблюдала, как все вокруг ахали от восхищения впервые увидев ее Элизабет. Эти изумленные возгласы раздавались всякий раз, когда взгляду окружающих представало нежное, словно фарфоровое личико в обрамлении иссиня-черных локонов. Самой притягательной чертой этого безупречного детского личика были выразительные, синие, цвета сапфира, глаза, оттененные длинными черными ресницами. Эти глаза отличались такой насыщенной синевой, что при определенном освещении казались фиолетовыми. За первым изумленным вздохом обычно следовали восклицания:

- Чудо, а не ребенок!*
- Ах, до чего же она хорошенькая!*
- Ну просто куколка!*

Сара отвечала собеседнику горделивой улыбкой и поглядывала на дочь: «Скажи спасибо, мой ангел», – ворковала она. И крошка Элизабет с улыбкой отвечала «спасибо» и делала книксен так, как учила ее мать. Получалась весьма трогательная сцена, рассчитанная на то, чтобы произвести впечатление...».

Господь наделил малышку кукольной внешностью

Разумеется, у прекрасной Лиз, ведомой пробивной мамашей, были шансы попасть в число юных звезд, царствующих в Голливуде. Однако стремление возвращаться в аристократических и звездных кругах стоило Саре невероятных усилий хотя бы потому, что их семья была вовсе не богата (как могло показаться при поверхностном знакомстве с Тейлорами). Доходов Френсиса (особенно в годы войны, когда предметы искусства практически не покупались) еще хватало на то, чтобы жить, снимая квартиру в приличном по меркам Сары месте, однако на престижные частные школы для Говарда и Элизабет уже, увы, не было средств. Однако Сара изыскала возможность для того, чтобы ее Лиз смогла посещать уроки хорео-

графии вместе с девочками из богатых и знаменитых семей. Некоторое время спустя нарабатанные связи позволили деятельной мамаше пристроить дочь в частное учебное заведение: в конце концов Элизабет поступила в престижную Байроновскую школу, где учились дети звезд кино, медийных и кинематографических магнатов.

Маленькая Лиз и ее старший брат Говард со счастливой мамой

В девятилетием возрасте Лиз выглядела старше своих лет: утонченная внешность и мелодичный голос делали ее похожей на сказочную принцессу. Однако одной лишь привлекательной внешности и уроков актерского мастерства, которые брала девочка, было явно недостаточно для Большого Успеха. Так справедливо считала предприимчивая Сара, которая пошла на рискованный шаг: она придумала новую английскую биографию дочери, в расчете на то, что никто не будет проверять правдивость фактов. Согласно материнской легенде, Элизабет училась в балетной школе с английскими принцессами Елизаветой и Маргарет, была лично представлена Ее Величеству и увлекалась конным спортом вместе с английским бомондом. Китти Келли рассказывает о том, как Сара завоевывала дружбу обозревателей светской хроники:

«...Она по собственной инициативе начала заводить дружбу с самыми влиятельными журналистами Голливуда. Прихватив с собой Элизабет, она нанесла визит Луэлле Парсонс: дабы выразить свой восторг по поводу ее кокер-спаниеля Джимми. Затем она наведлась к Хэдде Хоппер (якобы по той причине, что Элизабет не терпится увидеть любимую собачку мисс Хоппер и она пришла спросить, можно ли ей будет привести с собой дочь). Мисс Хоппер, разумеется, растаяла. Шейла Грексэм, по происхождению англичанка, регулярно получала приглашения на чай. Когда студия организовала интервью Элизабет с Аделой Роджерс Сент-

Джон, Сара купила розовый куст: чтобы дочь преподнесла его в подарок гостю. Ведь ей было прекрасно известно, что знаменитая журналистка испытывает особую гордость за свой розарий...

Жажущая ласки и всеобщего одобрения, Элизабет была готова радовать мать, сотрудничая с отделом по связям с прессой. Она обожала позировать перед фотоаппаратами, она часами была готова сидеть, пока кто-нибудь завивал ей волосы. Однако более склонной к сотрудничеству была именно Сара, готовая без конца сочинять сказки о юной Элизабет, о годах, проведенных в Англии. В угоду пробританским настроениям, царившим на MGM, Сара без зазрения совести лгала о шикарной жизни, о нянях, шоферах и элегантных усадьбах на лоне английских ландшафтов. Она туманно намекала на вечера в Букенгемском дворце и придворные уроки танцев, которые посещали также и юные принцессы:

– Годы, проведенные нами в Лондоне, были самыми великолепными, они были полны пышности и торжеств, – лепетала Сара. Она с такой убедительностью повествовала о серебряном юбилее короля Георга Пятого, что у присутствующих могло сложиться впечатление, будто она действительно сидела с королевой в одной ложе, а не наблюдала, как все простые смертные, за происходящим откуда-то сбоку. Несмотря ни на что, Ауэлла и Хэдда были в восторге, также как Шейла и Адела. Вскоре в их персональных колонках новостей появились коротенькие сообщения о славной малышке Элизабет Тейлор, родом из Англии. Сара весьма дальновидно использовала двойное гражданство, связывавшее Элизабет как с Англией, так и с Америкой...».

В 9-тилетнем возрасте Лиз выглядела старше своих лет: милая внешность и мелодичный голос делали ее похожей на сказочную принцессу

Юная Лиз обожала позировать перед фотоаппаратами

По стопам матери

*В Нью-Йорке я узнала, что нет лучшего дезодоранта, чем успех.
Элизабет Тейлор*

Как романтичной и впечатлительной девочке не увлечься сценой и не возмечтать об актерской славе, если дома только об этом и говорят? Маленькая Лиз жадно впитывала материнские рассказы о ее былых театральных успехах, спектаклях, гастролях и обожании зрителей, о славе. Китти Келли приводит воспоминания очевидцев:

«...Френсис Тейлор был слишком безволен, чтобы во всеуслышанье выразить свое несогласие, но, тем не менее, его не на шутку обеспокоила развернутая супругой деятельность. Он опасался, как это может сказаться на дочери. Однако Элизабет быстро заверила его, что ей просто хочется быть актрисой: такой, как мамочка. Мамочка готова была часами без устали рассказывать дочери о годах, проведенных на сцене: когда она выступала в провинциальных театриках под псевдонимом Сары Созерн. Сара терпеть не могла свою девичью фамилию Вомбротт, казавшуюся ей совершенно неблагозвучной и плебейской. И перед тем как покинуть свой родной Арканзас-Сити, она официально ее сменила. С новым именем, но без гроша в кармане Сара оставила родной дом сразу после окончания школы, и направила свои стопы в театр. Она проработала актрисой до 1926 года и оставила сцену, выйдя за муж за Френсиса Тейлора. «Я оставила карьеру, потому что вышла замуж», – говорила она, – «И вся королевская конница, и вся королевская рать не смогли бы меня заставить взяться за это опять!». Что-ж, возможно оно и так, скептически усмехались друзья. Но ведь и королевская конница наверняка не выходила замуж в тридцать лет. Сара, а она на 4 года старше Френсиса, в 1926 году была уже почти что старой девой, вспоминает один из знакомых семьи:

– Ей уже исполнилось тридцать, и перспектива наконец-то обзавестись мужем (и к тому же таким видным!) стоила того, чтобы оставить далеко не звездную карьеру...

Тем не менее, Сара не забыла, что когда-то была актрисой, не раз удостаившейся в Англии хвалебных отзывов. Элизабет была готова затаив дыхание слушать рассказы матери о театре и частенько говорила одноклассникам, что когда вырастет, – обязательно станет актрисой. «Я знала, что непременно настанет такое время, когда ей захочется пойти по моим стопам», – рассказывала Сара Тейлор, – «Я до сих пор словно наяву слышу аплодисменты той чудесной ночи, когда в лондонском театре «Апполон» состоялась премьера «Глупца», где я играла роль маленькой девочки-калеки. Стоя совсем одна посреди сцены, я отвечивала публике бесконечные поклоны, а знаменитый своей сдержанностью британский зритель неистовствовал, выкрикивая: «Браво! Браво! Браво!».

Первой ролью, которую Лиз довелось убедительно сыграть для окружающих, была роль маленькой, тщеславной звезды, вращавшейся в английском свете. Еще не сыграв ни одной настоящей роли в кино или на сцене, Элизабет смогла убедить окружающих в своей исключительности и принадлежности к английской знати. В девятилетнем возрасте Элизабет Тейлор удалось подняться на первую ступеньку лестницы, ведущей к

Парнасу: на красивую девочку с хрупкой фигуркой и аристократичными манерами обратило внимание руководство студии «Метро-Голдвин-Майер», куда Элизабет взяли работать статисткой. Позже Лиз вспоминала:

– Мать ЛЛизы Минелли как-то сказала, что ее дочь родилась в 12 лет на кинопробах в MGM. Могу повторить эти слова о себе, поскольку тоже родилась в павильонах студии: до этого я была обычной девочкой, каких миллионы.

«У меня было нормальное детство. Я была очень подвижной, мечтала стать балериной, в Лондоне посещала балетную школу, в которой учились принцессы...»

Фильм «Каждую минуту рождается такой» (1942 год), в котором девочка снималась вместе с известными актерами, положил начало ее карьере на экране

Китти Келли так описывает процесс первых кинопроб Лиз на съемочной площадке MGM:

«...Для пробы в MGM Сара принарядила Элизабет в платье с рюшами и лакированные туфельки. Сама Сара тоже оделась с особой тщательностью: дабы изобразить шелковые чулки, каковые она себе попросту не могла позволить, Сара натерла ноги лосьоном для загара, а при помощи карандаша для подводки бровей нарисовала сзади темный шов. Перед тем как выйти из дома, она усадила Елизавет за молитвенник и заставила сосредоточить мысли на чем-нибудь хорошем...»

...Сара Тейлор была в полном отчаянье: ей страшно не хотелось, чтобы на Элизабет напрасно тратили пленку. Ведь ее роль была столь незначительна, что не стоила подобных излишеств. Поэтому, как только огни на съемочной площадке потускнели, миссис Тейлор спряталась за спиной у режиссера и принялась делать дочери знаки. Скрестив на груди

пухлые руки, Сара закатила глаза к небу. Маленькая девочка перед камерой изо всех сил старалась разглядеть, что ей показывает мать. Та быстро прижала к шее палец, что означало: «ты переигрываешь!». Перед этим Элизабет видела, как мать прижала ладонь к животу, давая понять: «твой голос звучит слишком резко». Палец, прижатый к щеке, означал, что следует побольше улыбаться. И вот теперь, увидев, что Сара прижала руки к сердцу, Элизабет поняла, что ей необходимо постараться и вложить в игру побольше чувства.

В снимаемой сцене маленькая девочка умирала от пневмонии и мать юной актрисы вознамерилась непременно сделать так, чтобы смерть получилась безукоризненной и всего за 1 дубль. И все-таки Сара Тейлор наверняка рискнула бы снять еще несколько дублей, будь ей известно, что ее бесценного ангелочка затмят такие юные звезды 1944 года, как Маргарет О'Брайен и Пегги Энн Гарнер».

На съемочной площадке

1944 год. Юные звезды Маргарет О'Брайен и Пегги Энн Гарнер

В годы войны доходы Френсиса практически иссякли – картины продавались из рук вон плохо. Заработок юной статистки Лиз, пусть и скромный, позволял семье держаться на плаву. А «английская биография», придуманная Сарой для дочери, тоже неожиданно сыграла очень важную роль в жизни девочки и ее семьи. Китти Келли пишет:

«...В то время Элизабет Тейлор была обычной статисткой, работавшей по контракту в «Метро-Голдвин-Майер», временно отданной в займы студией «Двадцатый век Фокс». Ей еще предстояло выбиться в звезды. Разница между рядовой актрисой и звездой была разницей между безвестностью и славой. Между 150-ю долларами в неделю и пятью тысячами долларов. Волосы рядовым актрисам укладывали гримеры MGM, звезд причесывал Сидней Гелярос, ведущий парикмахер студии. Рядовых актрис наряжали студийные костюмерши. Звездам наряды шила Хелен Роуз, главный дизайнер студии. Разумеется, пропасть между обычной актрисой и звездой была громадна, но Сара Тейлор вознамерилась в скором будущем ее преодолеть.

...Как того требовал закон, Френсис и Сара откладывали половину жалования дочери на специальный счет, которым она могла распорядиться по достижении 21 года. Вторая половина денег (то есть

около четырех тысяч долларов) позволяла им снимать квартиру почти на самом краю Беверли-Хиллз. Война наконец-то достигла Америки, а значит, вместе с ней пришли пайки, карточки и купоны. Лишних денег практически не было. Картины не продавались, и Френсис Тейлор часами томился бездельем в своей галерее. Стремление уничтожить Гитлера и Муссолини объединило Англию и Америку. Открытие второго фронта вызвало по всей стране пробританские настроения: причем нигде они не ощущались с такой силой, как в Голливуде, где Луис Барт Майер (один из патриархов студии «Метро-Голдвин-Майер») поклонялся всему английскому. Вивьен Ли и Лоуренс Оливье провозгласили золотой четой всей эпохи. Грир Гарсон стала первой леди «Метро-Голдвин-Майер» после того, как ее картина «Миссис Минивер» удостоилась сразу семи «Оскаров» и побила все рекорды популярности.

В том году «Метро-Голдвин-Майер» понадобилось подобрать новую исполнительницу на роль маленькой девочки с британским акцентом: чтобы сыграть в паре с Родди Макдауэллом в фильме «Лесси возвращается домой». Ребенок, первоначально выбранный на эту роль, слишком вырос, и потому студия была вынуждена заняться поисками новой маленькой девочки, говорившей с британским акцентом. Продюсер ленты Сэмюэл Маркс был знаком с Френсисом Тейлором. Он как-то раз заметил, что дочка Тейлора мала для своего возраста и, родившись в Англии, говорит с британским акцентом. Продюсер наведаясь в картинную галерею, чтобы узнать, не захочет ли Элизабет попробовать себя в этой маленькой роли. Френсис позвал супругу. Буквально через несколько минут Сара и ее десятилетняя дочь Элизабет уже мчались на «Метро-Голдвин-Майер», выжимая последние силы из своего подержанного «Шевроле».

– Ой мамочка, мамочка, – повторяла Элизабет, – я буду сниматься в кино! Я буду сниматься в кино!..».

Фильм «Лесси возвращается домой». Лиз идеально подошла на роль девочки, говорившей с британским акцентом

Актер Родди Макдауэлл, друг всей жизни Элизабет (познакомившийся с ней как раз на пробах перед картиной «Лесси возвращается домой», где аристократичный английский мальчик сыграл роль школьника Джо), рассказывал:

– Продюсеры во время кастинга неодобрительно поглядывали на Элизабет, а затем один из них раздраженно попросил убрать с лица девочки столь обильный макияж, стереть тушь. Лиз моментально окружили стилисты и начали тереть ей лицо влажными салфетками. Изумлению их,

да и продюсеров, не было предела, когда салфетки оказались чистыми – Элизабет не была покрашена вообще!

Лучший друг Элиз юный актер Родди Макдауэлл

Просто малышка родилась с двойным рядом ресниц, такая генетическая мутация встречается крайне редко и носит название дистихиаз. Макдауэлл, смеясь, заканчивал свою историю тем, что убежденно заявлял:

– Куколке с двойными ресницами просто необходимо было стать именно актрисой!

И Элизабет Тейлор действительно начала играть в кино. Подписывая первый серьезный контракт с киностудией, Сара на радостях даже не стала торговаться, практически решив, что торг будет уместен позже: когда ее дочь обзаведется приличным театральным агентом. Лиз прыгала от счастья, а затем побежала к брату, чтобы сообщить ему потрясающую новость. Однако флегматичный Говард совершенно не обрадовался успехам младшей сестры...

Альфред Хичкок, руководящий львом во время съемки легендарной заставки студии «Метро-Голдвин-Майер»

Несмотря на военное положение дел в мире, американская киноиндустрия довольно уверенно держалась на плаву, поэтому постоянная работа на MGM сделала Лиз гарантом семьи на жизнь в достатке: теперь Тейлоры не зависели от того, продадутся ли картины в галерее Френсиса. К тому же студия «Метро-Голдвин-Майер» была самым крупным, состоятельным и известным предприятием мировой киноиндустрии: каждую неделю с ее конвейера сходила одна полнометражная картина. Китти Келли вспоминала:

«...Студия «Метро-Голдвин-Майер» считалась обиталищем неподражаемых королей экрана, а кроме того MGM снискала себе славу обладательницы колоссального творческого потенциала, считаясь самым крупным предприятием индустрии развлечений в мире. Здесь одновременно работало самое большое количество знаменитостей. Раскинувшаяся на территории в 167 акров на Кальвер-сити, это волшебное королевство являло собой скопление парков и прудов и даже располагало собственным зоопарком. Здесь также имелось школьное здание из красного кирпича, своя больница и столовая, где Луис Барт Майер не забывал включать в меню куриный суп своей матушки и ставил на каждый стол тарелку с мацой.

На студии имелся обширный проспект с картонными фасадами, словно перелетевший сюда из Нью-Йорка, Парижский бульвар, а также улочка с домами, обнесенными белым штакетником где жил Энди Харди. На одной съемочной площадке подразделение кавалерии в полной форме стреляло холостыми патронами: атакуя противника, спрятавшегося в бумажных джунглях. В то время как на другой, сразу на трех аренах, разыгрывалось целое цирковое представление. В этом мире фантазии безраздельно властвовал Луис Барт Майер: коротышка из России, на дух не переносивший гомосексуалистов, коммунистов и интеллектуалов. Он обожал детей, особенно маленьких, работавших по контракту с MGM. Ведь именно дети излучали ту магию, что заставляла зрителей, забросив все дела, валом валить каждую неделю в кинотеатры: где их ждали картины, полные шуток и музыки и вдобавок проникнутые духом патриотизма. Именно благодаря детям создавалось то особое очарование невинности и надежды. Это был тот здоровый, чистый и добропорядочный элемент индустрии развлечений...».

Руководство студии хвасталось:

– У нас звезд больше чем на небе.

И теперь одной из этих звезд, возможно, самой крупной, предстояло стать и Элизабет Тейлор.

Глава II. Голливудская дебютантка

Первые лавры

Бог знает, я никогда в своей жизни не искала легких путей. Я всегда понимала, что мы должны встретиться со всем, что приготовила нам жизнь, в полную силу. Думаю, что люди формируются, как скалы в природных условиях, благодаря опыту, сердечным утратам, сожалению об ошибках, о вине, о стыде...

Элизабет Тейлор

После дебютных фильмов Лиз (комедии «Каждую минуту рождается человек», цветной семейной драмы «Лесси возвращается домой», кинокартин «Джейн Эйр» и «Белые скалы Дувра», где девочка сыграла небольшие роли) успех юной актрисы был серьезно закреплён съемками в трогательной спортивной драме «Национальный бархат». Черноволосая красавица Лиз сыграла юную английскую наездницу Велвет Браун, победившую в национальных скачках, переодевшись в мальчика. Китти Келли рассказывает:

«Элизабет хотела получить роль Велвет, потому что Берман пообещал, что студия заплатит за ее уроки верховой езды в конюшнях Дьюли, где Элизабет обучат стипль-чезу и прыжкам. Сара, разумеется, тоже ухватила за эту роль, потому что благодаря ей можно было выйти в звезды. Она убедила дочь, что из той получится настоящая Велвет Браун, и Элизабет, легко поддававшаяся внушению, перевоплотилась в английскую девочку. Она превратила свою комнату в небольшую конную выставку – полную уздечек, седел и статуэток лошадей – и даже начала называть себя Велвет».

Кадр из фильма «Джейн Эйр»

Годы спустя актриса назвала этот фильм своей самой захватывающей и самой сложной своей работой:

– Я работала над этой лентой, не зная сна и отдыха. Ни одна картина за всю мою жизнь не стоила мне таких трудов, как эта.

Элизабет помогает Лесси подписать контракт с MGM. Ноябрь 1943 г.

Для роли девочки-жокея Элизабет, с детства знающей, что такое – седло (первый пони появился у Лиз, когда ей было три года) пришлось серьезно заняться верховой ездой. Каждое утро она усердно упражнялась, вживаясь в новую роль (позже одно из падений с лошади во время этой подготовки станет причиной серьезной, затяжной болезни позвоночника). Китти Келли рассказывает об этих съемках:

«...Они растянулись на семь месяцев и стали для Элизабет первым наглядным свидетельством того, сколь трудным может быть создание

кинокартины. Лиз вставала рано по утрам и до школы в течение часа упражнялась в верховой езде на своей капризной лошадке по кличке Король Чарльз в фильме превратившейся в Пайя. Все трудные прыжки на беговой дорожке исполнялись профессиональным жокеем, но вся остальная верховая езда была делом самой Элизабет. И хотя ни одна из сцен, где она скакала верхом, не представляла собой опасности, юная актриса была вынуждена, тем не менее, часами оттачивать свое мастерство.

Роль Вэлвет Браун требовала, чтобы Элизабет носила ортодонтическую пластинку. Первоначально студия отправила девочку к дантисту, и тот изготовил для нее золотую пластинку за 120 долларов и серебряную за 86. Затем на цветную фотопленку были сделаны пробы, но ни одну из пластинок не сочли достаточно фотогеничной. Вот почему была сделана третья, проволочная, с фальшивым небом. И Элизабет явилась на примерку: ей удалили два молочных зуба, а в кровоточащие лунки вставили два временных, чтобы сие приспособление плотно держалось во рту.

Видя, каким мучениям подвергается его дочь, Френсис Тейлор вышел из себя, а когда MGM потребовало от Элизабет остричь волосы (чтобы еще сильнее походить на жокея), отец восстал против этой затеи. Студия проконсультировалась с юристами: в праве ли MGM требовать от актрисы, чтобы та подстриглась? После нескольких совещаний юридический отдел пришел к следующему заключению: «данное требование является необоснованным и заключенный контракт не дает нам права требовать от актрисы, чтобы она себя обезобразивала или в такой степени изменяла свою внешность». Таким образом Элизабет сохранила волосы и при необходимости надевала парик. То был первый и последний раз, когда Френсис Тейлор занимал решительную позицию».

Для роли девочки-жокея в драме «Национальный бархат» Элизабет пришлось серьезно заниматься верховой ездой

Сама Элизабет относилась к собственной внешности с должным уважением, уж чего-чего, а самооценки у нее было достаточно:

– О боже, у меня были черные волосы, настолько темные, что на фотографиях от черного цвета отливало синевой, и очень густые брови. Моим отцу и матери пришлось их отговаривать перекрашивать меня и выщипывать брови.

Я согласилась тогда с отцом: у Бога должна была быть причина, чтобы дать мне густые брови и черные волосы. Я была очень уверена в своей

индивидуальности. Это была я. Я принимала себя всю жизнь, это сложно объяснить.

В 1944 году, когда фильм «Национальный бархат» вышел на экраны, Элизабет в одночасье стала звездой Америки: и зрители, и критики влюбились в 12-летнюю актрису. Прокат картины принес ее создателям более четырех миллионов долларов, а доходы Лиз увеличились до 750 долларов в неделю. Благодаря этому фильму красивая девочка стала известна каждой американской семье.

Продюсер Пандро Берман вспоминает:

– Она действительно отлично поработала в этой картине. Впоследствии она пришла ко мне и сказала: «За всю свою жизнь я не переживала так, как о моей лошади, Короле Чарльзе». Поэтому я отправился к Луису Майеру и сказал, что, по моему мнению, с нашей стороны было бы красивым жестом и вообще мудрым шагом подарить Элизабет эту лошадь. Это единственное, из-за чего она готова пережить, а кроме того, отлично сделала свое дело в картине.

Продюсер Пандро Берман

Зрительская любовь и слава неотвратно делали свое дело: характер юной Лиз менялся под их напористым воздействием. Китти Келли рассказывает:

«...Однажды во время просмотра отснятого материала кто-то прилепил к ее гримерной золотую звездочку и табличку: «Мисс Тейлор». Режиссер Кларенс Браун распорядился, чтобы «звезду» убрали, а на табличке написали: «Элизабет».

– Он опасался, что меня это обидит, – рассказывала Элизабет, – он объяснил мне, что опасается за меня: все это может вскружить мне голову, а когда подобное происходит, то люди, как правило, меняются. А он бы хотел, чтобы я всегда оставалась такой, как есть. Я понимала, что он хочет этим сказать, потому что мы с мамой уже об этом говорили. И я пообещала ему от всего сердца, что никогда-никогда не стану другой. Эта клятва, разумеется, была нарушена, как только лента «Нэшионал Вэльвет» вышла на экран: картина пользовалась успехом, критики превозносили Элизабет за ее горячую целеустремленность и очарование...

...В свой тринадцатый день рождения Элизабет удостоилась звонка от Бенни Тау, главы отдела кадров студии. Он сообщил юной актрисе, что Король Чарльз отныне принадлежит ей. Спустя несколько недель MGM преподнесла ей еще один сюрприз. В знак признательности за отличную работу над картиной «Нэшил Велвет» студия наградила ее премией в размере 15 тысяч долларов».

Так начался Большой Успех, пропастью отделивший юную звезду от ее сверстников.

13-тилетняя Элизабет Тейлор раздает автографы во время благотворительного матча в крикет в Лос-Анджелесе

Позже Тейлор вспоминала:

– В детстве я пыталась искать себе друзей среди сверстников и отчаянно надеялась, что друзья моего брата будут брать меня с собой, но они не захотели... А когда я пыталась стать незаметной, смешаться с толпой, ничего не выходило, я все равно выделялась. Я уже была знаменита, да и выглядела старше своего возраста. Когда мне было 15 лет, я играла 18-летних и встречалась с мужчинами до 30 и старше...

Мечтательная и несколько отрешенная от действительности девочка – вот кем была Элизабет за пределами съемочной площадки.

Она могла долгие часы проводить в одиночестве, выстраивая в голове замысловатые замки из собственных грез, насвистывая при этом или издавая странные, «беличьи» звуки. Валяясь на кровати с комиксами или дамскими журналами, она буквально зачитывала статьи, посвященные звездам кино: подробностям их роскошной жизни и светским сплетням. Пожалуй, именно эти журналы, да животрепещущие кинематографические драмы того времени и стали главным «образованием» Элизабет. Из них она узнавала о любви, отношениях, о морали... Однажды Лиз рассказала своей школьной подруге о том, что после своего первого поцелуя на съемочной площадке она теперь упражняется в объятьях и поцелуях с диванной подушкой, а еще – позирует себе перед зеркалом (тренирует разные выражения лица, учится выражать мимикой и взглядом то или иное состояние), часами проводя нос к носу с собственным отражением. Китти Келли рассказывает:

«Однажды она ошеломила фотографа неожиданным вопросом, явившись на сеанс в обтягивающем свитере: «Какой вам сейчас нужен от меня вид – такой, который бы говорил, что я жду-не дождусь, когда же пролетит время?»».

Фургон-гримерка Элизабет

Единственная подруга Элизабет, Гейлин Макклор, вспоминает:

– Помнится, Элизабет по выходным приходила ко мне домой и сидела у меня часами, мечтательно сочиняя истории о всяких там красавцах-принцах, в ней было слишком много детского и наивного. Когда я брала ее с собой на вечеринки, она не знала, как ей держать себя с мальчиками.

Однако роль белой вороны, которую Элизабет невольно играла в обществе ровесников, не защищала ее от завистников и слишком активных, бесцеремонных поклонников, пристававших. В тринадцатилетнем возрасте на одной из вечеринок девочка подверглась настоящему

нападению: подвыпившие парни связали ей руки за спиной и полезли под юбку, пытаясь изнасиловать.

Родителям отморожков, боссам Голливуда, удалось замять дело, (тем более, что в числе напавших на девочку был Ричард Занук, отпрыск отца американской киноиндустрии Дэррила Занука). После кошмарного происшествия Сара настояла на том, чтобы Лиз повсюду сопровождали телохранители.

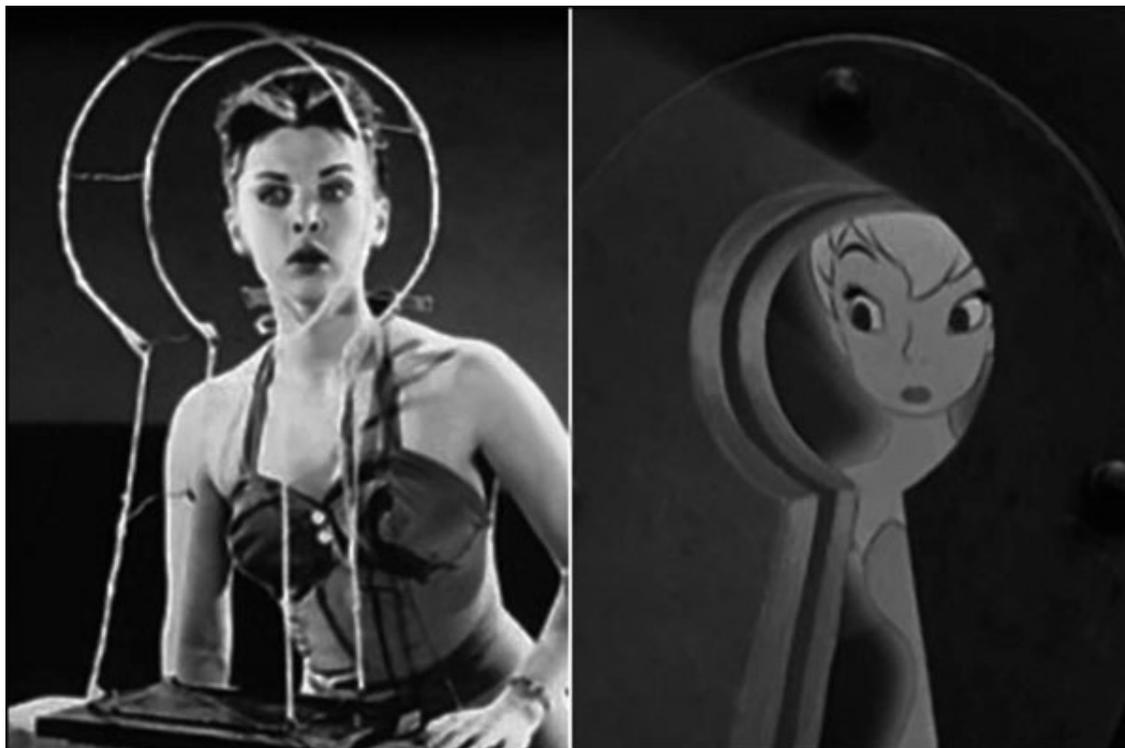
Лиз всегда старалась выглядеть старше, и уже в 15 лет была эталоном женственности и красоты

Мать девочки сосредоточила всю свою жизненную энергию на карьере дочери: это стало страстью Сары. Она старалась охватить все сферы жизни юной Лиз, корректировала

не только ее внешность, но и душевные порывы. Сара проводила все без исключения вечера за накручиванием папильоток на смоляные волосы Элизабет (чтобы к утру добиться идеально-обрамляющих красивое лицо локонов) или за гладкой стильных платьев дочери. Она сопровождала Лиз на работу и там неотступно следовала за ней, превратившись в тень Элизабет на съемочной площадке и в гримерке, на занятиях драматическим искусством и вокалом, на примерках, на воскресных занятиях в школе христианской науки (куда Сара пристроила дочь, заботясь о ее душе), везде. Во время съемок она продолжала делать знаки дочери из-за спины режиссера, а в конце рабочего дня набожная мать заставляла Лиз читать благодарственную молитву прямо в студии. Актриса Маргарет Керри вспоминает:

– В National Velvet я была дублершей Элизабет и помню одно: каждый раз, когда ее мамаша начинала говорить, у меня мурашки бежали по коже! «О, Элизабет», обычно восклицала мать после каждого эпизода. «О, Элизабет, дорогая, пойдём!». И Элизабет, которая в ту пору была пай-девочкой, послушно ворковала в ответ: «Иду-у-у, мамочка!».

За такую маниакальную активность руководство студии MGM назначило Сару официальной опекуной своей несовершеннолетней сотрудницы Элизабет Тейлор: с тех пор мать тоже стала получать небольшое жалованье, вычитаемое из еженедельной зарплаты Лиз...

Пегги Линч, известная под псевдонимом Маргарет Керри, прославилась своим прообразом Динь-Динь для Диснея

Помимо матери жизнью юной Элизабет руководили также студийные публицисты – люди, задачей которых было создание и поддержание звездных образов. Актриса Пегги Линч (Маргарет Керри), работающая на MGM вместе с Элизабет, вспоминает:

«...В те годы нас создавали публицисты: именно они формировали наш образ, нашу психику, наше «Я». Они обычно выбирали тот образ, который по их мнению лучше всего нам соответствовал. И затем, если наше поведение так или иначе не соответствовало этому образу, на нас накладывали штраф и удерживали деньги из жалованья. Я, по мнению

студии, должна была изображать из себя нечто вроде соседской девчонки... Если я отправлялась за покупками в джинсах и мужской рубашке навыпуск (как мы обычно одевались в те дни), это грозило мне штрафом. Считалось, что подобный наряд отрицательно сказывается на репутации звезд.

Будучи типичной юной принцессой, Элизабет Тейлор ни разу не дала повода для нареканий со стороны отдела: поскольку мамаша неизменно наряжала ее, как куколку. Не довольствуясь созданием одного лишь имиджа, студия крепко брала в свои руки всю нашу жизнь: устраивала свидания, руководила ухаживанием и помолвками, планировала браки и даже объявляла разводы. Заодно она заботилась об устранении любой угрозы системе звезд: будь то арест, адюльтер или, время от времени, – аборт».

Энн Штраус, глава портретной галереи студии «Метро-Голдвин-Майер», делилась в интервью:

«...Юным актрисам MGM надлежало оставаться такими же чистыми и непорочными как свежесыпавший снег. Девушки не курили, не пили, не сквернословили, а также не спали с мужчинами до свадьбы. Они были образцово показательными».

Элиз с матерю Сарой. 1948 год

Публицисты стали настоящей находкой и первейшими помощниками образцовой матери Элизабет: по сути, Сара получила себе в помощь целый штат специалистов, которые были с нею заодно, ведь они помогали ей взращивать звезду. В возрасте шестнадцати лет Элизабет так от всего этого устала (от чрезмерной опеки матери и публицистов, от суетной жизни и напряженной работы, от навязчивых поклонников и постоянно сопровождающих ее телохранителей, от одиночества и тяжелого бремени славы), что решила поставить крест на своей актерской карьере. Обычная жизнь с ее простыми отношениями и незамысловатыми

радостями стала казаться Лиз пределом мечтаний. Однако Сара довольно жестко вернула дочь на землю: она назвала Элизабет неблагодарной, напомнила ей о ее обязанностях по отношению не только к собственной семье, но и к американскому зрителю, полюбившему юную красавицу... В результате Лиз написала матери письмо с покаянием, в котором говорилось:

– Я многое передумала и поняла, что вся моя жизнь принадлежит кино. Для меня уйти – то же самое, что отсечь дереву корни, – я бы вскоре увяла, иссохла и стала бы никому не нужна.

В общем, Лиз осталась в своей напряженной, звездной жизни и от детских ролей постепенно перешла на роли ярких романтических особ и стала тайно мечтать о замужестве.

Бумажная кукла Элизабет Тейлор

Как рассказывают коллеги Элизабет по съемочной площадке, более дисциплинированной и трудолюбивой актрисы, чем Тейлор, в Голливуде не было. Она неустанно заучивала роли (могла часами, оттачивая, повторять одну и ту же сцену), а на съемочной площадке успевала одновременно ловить каждое слово режиссера и следить за знаками, которые ей делала Сара из-за его спины. Строгие критики официально похвалили Тейлор с газетных страниц за горячую целеустремленность и очарование. Помимо предложений новых

ролей, на Элизабет посыпались предложения участвовать в рекламных кампаниях: косметики, мыла, женской одежды. Появилась даже линия игрушек – красивых кукол-принцесс «Элизабет»: которых, наряду с открытками с фотографиями Тейлор, стремительно раскупала армия поклонников. Слава заразила послушную мамину дочку Лиз звездной болезнью, которая стремительно прогрессировала. Китти Келли так описывает этот период:

«Саре удалось пробить для дочери дорогу в мир хорошо оплачиваемой рекламы, или, как это называлось в сороковые годы, «коммерческих связей». Первое коммерческое соглашение принесло Элизабет 3 тысячи долларов за право использовать ее фото для рекламы мыла «Люкс».

За ним последовали контракты на рекламу мыла «Вудбери» и косметики «Макс фактор», после чего компания по выпуску поздравительных открыток пообещала заплатить Элизабет тысячу долларов за один из ее рисунков. За всем этим последовали бумажные куклы «Элизабет Тейлор» и книжки-раскраски. Кроме того, она получала по 3 тысячи долларов за каждое выступление по радио, половина суммы, однако, отчислялась ее матери, в качестве вознаграждения за подготовку дочери к передаче.

Одним из самых выгодных коммерческих контрактов стало соглашение с фирмой «Дъэлл, Слоун и Пирс» за книжку «Нибблз и я». За свой первый писательский труд во славу ее дрессированного бурундука Нибблза. Элизабет получила гонорар в размере тысячи долларов. Книжка объемом в 77 рукописных страниц с «иллюстрациями автора» была отправлена «Дорогому господину редактору». В письме, написанном Элизабет на имя издателя, сразу чувствовалась направляющая рука отдела по связям с прессой. Одна дама в студии сказала, что, по ее мнению, не стоит все это перепечатывать на машинке, потому что вам скорее понравится все так, как есть, от руки.

Сначала была Лэсси, затем Пай и вот теперь Нибблз. Эта книга явилась заключительным штрихом в созданном студией портрете Элизабет Тейлор, изображавшем ее таким юным воплощением Франциска Ассизского в юбке. Пресс-отдел разослал по редакциям журналов ее фотографии в окружении четвероногих питомцев – золотого ретривера (Лабрадора), коккер-спаниеля, черного кота по имени Джиперс-Криперс, лошади, восьмерых бурундуков и белки. Как и следовало ожидать, следующей картиной Элизабет стала лента «Мужество Лэсси», в которой ее имя стояло первым, оттеснив знаменитую колли на вторую строку. Тем не менее, многие критики по-прежнему отдавали предпочтение собаке. Вот, например, что писала «Нью-Йорк Геральд Трибьюн»: «Лэсси достойна самых высоких наград за актерское мастерство».

«Первая хворь юной звезды, по всей видимости, явилась реакцией на перемены в семье, которые она в силу своего юного возраста не могла понять до конца. Эти перемены начались с того момента, когда Элизабет «одолжили» студии «Уорнер Бразерс» для участия в картине «Жизнь с отцом». Съёмки этой ленты заняли пять месяцев. К середине этого времени Сара успела по уши влюбиться в режиссера картины, Майкла Кертиса, пятидесятивосемилетнего венгра, который вошел в историю кинематографа главным образом как создатель «Касабланки» и первооткрыватель таланта Дорис Дей. Для похотливого Кертиса пятидесятилетняя мать Элизабет была лишь очередным мимолетным увлечением, которое закончилось одновременно со съемками фильма. Однако уже этот скоротечный роман на какое-то время разбил супружеские узы Тейлоров. Осенью Фрэнсис вместе с сыном уехал в Висконсин к своему дяде Говарду Янгу. Элизабет осталась в Голливуде с матерью».

Кадр из фильма «Синтия»

В то же время Элизабет начала постепенно отбиваться от материнских рук: сказывался переходный возраст и усталость от постоянного контроля. Она усвоила манеру вести себя несколько развязно и даже использовать в речи крепкие словечки. Ее коллега по цеху, актриса Мэри Астор, вспоминает:

– Когда я наблюдала за Элизабет со стороны в столовой во время съемок «Нэшинл Велвет», у нее был такой серьезный, сосредоточенный вид. Теперь же его как ни бывало. Куда только подевалась ее застенчивость? Элизабет начинала понимать – это, впрочем, естественно для ее

возраста, – что природа наградила ее красотой. А еще она была смышленной. Очень даже смышленной. Такие обычно стремятся быть первыми в учебе. Для ребенка она отлично умела сосредотачиваться на работе – и этим мне нравилась. Элизабет была сдержанной и слегка надменной. Вернее, более чем слегка. В ее фиолетовых глазах временами проскальзывало нечто расчетливое, словно она точно знала, чего ей хочется, и не сомневалась, что сумеет добиться своего.

Кроме того, жгучая красotka Лиз стала ярко краситься, носить вызывающе-открытые платья и блузки, и из скромного, послушного материнской воле подростка превратилась в соблазнительную, непокорную штучку. Китти Келли пишет об этом периоде жизни юной звезды:

«...Элизабет красила ногти на руках и ногах алым лаком, обильно поливала себя туалетной водой, носила огромные серьги и наряжалась в пышные юбки и «крестьянские» блузки с глубоким вырезом. Она по осиному перетягивала талию и всегда стояла прямо, выпячивая вперед грудь, словно предлагая миру два огромных кома свежесвбитых сливок.

«Мне постоянно приходилось следить за Элизабет, когда она наряжалась в эти свои съезжающие с плеча блузки, – вспоминала Анна Штраус. – Дело в том, что она сделала для себя открытие, какое внимание оказывают ей, когда она приходит в этих блузках, и, сделав это открытие, пустилась во все тяжкие. Элизабет с радостью делала из себя за ленчем объект всеобщего ухаживания, а в заключение, стянув пониже с плеч свою блузку, любила продефилировать через всю столовую – из конца в конец, – явно выставляя себя на всеобщее обозрение. Как только мне подворачивалась такая возможность, я тотчас подтягивала ей эти плечи повыше, но она, случалось, успевала ускользнуть от меня».

Сара палец о палец не ударила, чтобы пресечь попытки дочери казаться старше своих лет. По правде говоря, она, наоборот, поощряла это стремление, раньше времени вытаскивая дочь во взрослую жизнь.

«Я хорошо помню то время, когда Элизабет было всего тринадцать лет, и она отправилась в Вашингтон, чтобы вместе с миссис Трумэн в Белом Доме начать «Марш десяти центов», – вспоминает одна из ее знакомых. – Сара нарядила девочку в черное бархатное платье, белую шубку и нейлоновые чулки без шва. Разумеется, сама Сара красовалась в нарядах, более приличествующих инженеру, но зато Элизабет у нее смотрелась скорее как девица легкого поведения, из числа тех, что играла Джоан Кроуфорд».

Жгучая красотка Лиз стала ярко краситься, носить вызывающие платья и блузки, и из скромного, послушного подростка превратилась в соблазнительную, непокорную штучку

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.